

* 5 ПЕР. 1989

Артур Лапинь. Автопортрет.

КАЗАЛОСЬ, ВСЕ РУХНУЛО. И мечты об искусстве. И нетерпеливое, жгучее желание нести людям пользу. И вообще — жизнь. Впереди — неподвижность. В лучшем случае — жалкое существование калеки.

Но вдруг в хмурой палате вспыхнул луч солнца. Вспыхнул, и все вокруг заискрилось, заиграло по-весеннему. И оказалось, что чудеса бывают. И что жить нужно. Во что бы то ни стало. Жить, чтобы бороться. А пока — бороться, чтобы жить.

Они лежали рядом, на соседних койках: хрупкий мальчик из маленького латвийского города Тукума, внезапно настигнутый коварным недугом. И взрослый человек, сломленный тюрьмой. Физически сломленный, но сохранивший удивительную ясность мысли. И юношескую чистоту идеалов. Человек новой формации. Коммунист.

Карл говорил, а Артур слушал. Карл говорил вдохновенно, увлекая, шедро, радостно отдавая своему товарищу по несчастью всю свою убежденность, ясность своей идеи. А Артур ловил все это жадным сердцем.

Они говорили обо всем. О трещине, которая расколола земной шар. О справедливости. О подвиге. О Ленине. И о Горьком. И о Райнисе. Они говорили о Советском Союзе. О Советской стране, откуда подымается солнце.

И врач не мог нарадоваться: что происходит с мальчуганом? Он же здоровеет вопреки всем медицинским прогнозам, здоровеет с каждым днем. Это потому, что победила молодость, помноженная на неуемную жажду жизни, на потребность борьбы.

И чудо случилось. Да еще какое! Мальчик встал на ноги. И вышел из палаты, в которой пролежал пластом около двух лет. Сам, без помощников и без костылей. И шагнул в жизнь, уверенно, бодро. Не калекой, а борцом. Он стал комсомольцем.

Это было в двадцать девятом. Большевикское подполье и живопись — они шли в его жизнь

рядом, переплетаясь, дополняя друг друга. Он стал художником в конспирации и бойцом в искусстве. Бойцом неистовым, дерзким, убежденным.

Сколько раз потом его таскали в тюрьму! Но ему неизменно везло. Везло на товарищей. Долгое время их было трое: двое графиков и он, живописец, Артур Лапинь. Графика более применима в условиях подполья — графики оформляют

За 29 лет Советской Латвии только два года Артур Лапинь не стоял во главе партийной организации Союза художников или Театра оперы и балета. Бушевал. Вгрызался, защищал и нападал. Он ничего не делает вполомеры.

Он ненавидит мещанскую благодушную пресыщенность. И суровость. И манерность.

Его считают трудным. «Не всякое решение можно проверить через Лапиня!» — говорят о нем полшутя. Да, не всякое. Ибо он ведет бой.

— Разве можно складывать оружие? Если какие-то снобы

ОН БУКВАЛЬНО ВЛЮБЛЕН в русскую оперную и хореографическую классику. Ему удается проникнуть в суть русского национального характера, передать аромат музыки таких титанов, как Мусоргский и Глинка, Чайковский и Римский-Корсаков. С удивительно тонким чувством стиля оформляет он спектакли латвийской классики, современных латвийских композиторов.

— Но не дай бог оказаться на поводу у этнографической экзотики. А она навязчива и спекулятивна. Этнографические «красивости» вовсе не раскрывают

ЖИТЬ, ЧТОБЫ БОРОТЬСЯ

прокламации, рисуют карикатуры. А что полезного может сделать живописец? И Артур специализировался на боевой оперативной работе. И на агитации среди студентов.

После очередной «акции» неблагонадежного студента заставили уйти из Академии художеств. Доучивался сам. Брал частные уроки. Делал все: писал декорации в оперном театре, был рабочим сцены, грузчиком, осветителем. Кое-что удалось перехватить около съемки первого латвийского художественного фильма «Сын рыбака» — перетаскивал реквизит, помогал оператору...

Работал в подполье до самого дня восстановления Советской власти. Тогда его, боевого конспиратора, художника Артура Лапиня, без кандидатского стажа приняли в Коммунистическую партию и тут же направили парторгом в театр.

Артур Янович улыбается:

— Вот так кончился живописец Артур Лапинь и начался Лапинь — театральный художник. В порядке партийного поручения! Сначала мне казалось, что это временно. А теперь трудно представить себя вне театра.

Во время войны был главным художником и парторгом Латвийского художественного ансамбля, который обслуживал фронт. И на второй же день после освобождения Риги был уже здесь: В театре.

ВОТ ОН ПЕРЕДО МНОЮ, главный художник Академического театра оперы и балета Латвийской ССР, народный художник республики Артур Янович Лапинь. Глаза его, столько раз в упор смотревшие в глаза смерти, сегодня не скрывают усталости. Но вот они уже снова сверкают, он снова взволнован, он снова атакует.

объявляют себя «сверхчеловеками от искусства». Этакая высшая раса художников! Спесивые густышки, которые сверху вниз взирают на народ, неспособный якобы понять и оценить извилины души «самовыражающейся элиты». Если такую «модель» утверждают наши идеологические враги — так это в порядке вещей. Но ведь находятся сторонники этой пресловутой «модели» и среди земляков!

Никаких компромиссов. Истинное искусство бьет из самых глубинных пластов народной толпы, как могучий фонтан. И возвращает родной почве живительную влагу. Чтобы почва родила еще более обильные урожаи. Истинное искусство всегда воинственно.

Так считает коммунист Лапинь.

— Дни напролет заседаю, убеждаю, пропагандирую, а по ночам пишу, — признается он и добавляет с грустью, — а как же я мало успел...

Это он-то, оформивший после 1940 года свыше шестидесяти оперных и балетных спектаклей! Одной только русской классики — около тридцати!

Лапинь продолжает:

— Положение театрального художника сложно. Положение художника в оперном театре сложно вдвойне. Опера по своей специфике несколько статична, сложились «каноны», которые очень трудно опрокинуть.

Артур Лапинь называет их «павильный хвост». И отсекает беспощадно. Решения художника строги. Иногда суровы. Кое-где аскетичны. Но никогда не вычурны, не переусложнены, не помпезны. Его влекут в искусстве крупные исторические коллизии, масштабные, героические характеры, народные эпопеи. Он — за искусство романтически-возвышенное, трагедийное, за искусство открытых страстей.

национальные черты искусства. Не случайно в моем оформлении «Огня и ночи» Медьня нет ни одного орнамента.

Я ЛЮБЛЮ искусство Артура Лапиня. По несколько раз хожу на спектакли только для того, чтобы вновь погрузиться в атмосферу, созданную художником, насладиться удивительной гармонией и простотой его выразительных средств. И вот перед моими глазами два спектакля, которые особенно ярко запечатлелись.

«Иван Сусанин». Сцена обрамлена огромной ширмой-триптихом. Старинные славянские фрески. Удивительно изысканный и тонкий колорит. И — солнечность. Иначе не назовешь этот неведомо как найденный внутренний свет. Это и есть зримое воплощение жизнеутверждения, оптимизма художника. В этом — современность его решения. И как это музыкально!

Артур Янович морщится. Выражение «музыкальность» в применении к колориту он не любит. Но как же иначе назвать его оформление «Сказания о невидимом граде Китеже и деде Февронии»? Это ведь в самом деле поющие краски! Просто буйство чистых тонов. И острое чувство музыкальной формы, и подлинный праздник театральности. За оформление «Китежа», показанного во время декады латвийской культуры в Москве, Артур Янович Лапинь награжден орденом Ленина.

Народность, эпическая широта, глубина философских обобщений, гармония, мелодичность цвета, поэтичность и завершенность зрительного образа спектакля — вот отличительные черты дарования этого художника. Он никогда не бродит в потемках. Он всегда отлично знает, что хочет дать людям.

Ольга МАКАРОВА,
соб. корр. «Советской культуры».

РИГА.